

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ Урал № 07-01-83 106 а/У.

НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ИСЕТИ (ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА)*

В. Д. Викторова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института истории и археологии УрО РАН

Мы продолжаем знакомить читателей с богатствами археологических памятников верховьев реки Исети. На основе материалов с этих памятников в пределах предполагаемого музея под открытым небом могут быть созданы наглядные реконструкции объектов древних обитателей края.

В предыдущем номере журнала говорилось о сюжетах эпохи камня. В этой статье речь пойдет об изменениях, произошедших в жизни обществ эпохи раннего металла. Основными источниками для написания статьи послужили материалы с раскопанных памятников верховьев реки Исети. В конце XIX в. членами УОЛЕ О. Е. Клером и Н. А. Рыжниковым были исследованы памятники Коптяки 2 и 5 (Исетское озеро), в 50–60-е гг. XX в. Е. М. Берс проведены раскопки на памятниках Верхняя и Нижняя Макуша и стоянок Новых. С 1978 г. проводятся исследования на острове Каменные палатки (палеозеро Романовское): на памятнике Палатки II – С. Н. Паниной, на памятниках Палатки I и Вершина I – В. Д. Викторовой.

Эпоха раннего металла (рубеж III–II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э.) – время больших перемен в крае. Основным фактором перемен послужило стремление населения различных культур освоить рудоносные места Урала. Так, в горно-лесной полосе Урала и, в частности, в верхнем течении реки Исети с юга, востока и севера появились мигранты.

Загадки и догадки

Смысл сниматься с насиженных мест большим группам оседлого населения с производящей экономикой был лишь тогда, когда становилось наверняка известно, что новое место богато медными рудами или удобно для содержания скота.

Где, когда и населением какой культуры были открыты и начали использоваться месторождения медной руды в окрестности истоков Исети, остается загадкой. По этому поводу можно выдвинуть лишь догадку-гипотезу с косвенными доказательствами.

Гипотеза относится еще к энеолитическому времени. Напомним, что сюжет в предыдущей статье о появлении медных изделий в Среднем Зауралье был изложен в более или менее устоявшемся варианте: в III тыс. до н. э. немногочисленные медные предметы поступали с Южного Урала от населения древнеямной культуры. Более определенно датированные ножички с памятника Разбойничий остров (район Екатеринбурга) были найдены в слоях с керамикой рубежа IV–III тыс. до н. э.¹

С керамикой более позднего времени (аятского типа) соотносится только медная пластина, да и то найденная севернее, у городища Шигирского². По публикациям известна лишь одна находка – литейная формочка для отливки иглы из аятского жилища с памятника Верхняя Макуша³.

Встает естественный вопрос: неужели почти за тысячелетие население края не заинтересовала такая новация, как металлургия?

Рассмотрим ряд находок, которые могут послужить косвенными доказательствами начала развития металлургии энеолитического населения верховьев реки Исети.

Московский археолог П. А. Дмитриев, изучавший археологические памятники Зауралья, еще в 30-е гг. XX в. предположил, что брусок с продольным желобком, найденный на Палкинской стоянке, мог быть литейной формой⁴. Правда, он оставил вопрос о назначении предмета открытым, потому что были и другие предположения⁵. Ни время, ни культурная принадлежность находки

¹ См.: Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. С. 281.

² См.: Там же. С. 285.

³ См.: Берс Е. М. Археологические памятники на острове Макуша // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1961. Вып. 39, ч. 1. С. 10.

⁴ См.: Дмитриев П. А. Шигирская культура на Восточном склоне Урала // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. № 21. Рис. 4, 27.

⁵ См.: Там же. С. 59.

⁶ См.: Панина С. Н. Культурные предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 455.

тогда не были установлены. Это сделала С. Н. Панина⁶ в результате раскопок жилища аятской культуры энеолитического времени на памятнике Палатки II. Около очага в центре постройки были найдены фрагменты брусков из талькохлорита.

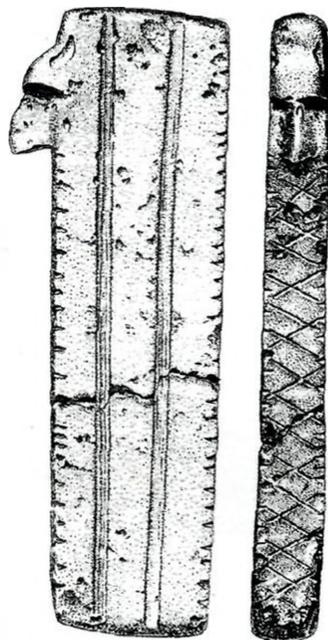

Рис. 1. Брусок с продольными желобками. Памятник Палатки II (по С. Н. Паниной)

Наибольший интерес представляет брусок, разломанный на две части (рис. 1). Изделие размером 27 x 6,8 x 2,8 см имеет почти прямоугольную форму. По его плоским граням с одной стороны расположены два продольных желобка, с противоположной – один. Ширина желобков составляет 0,6 см, глубина 0,5 см. Узкие боковые грани бруска украшены резными перекрещивающимися линиями. С одной стороны узкая грань завершается антропоморфной личиной с массивным клювовидным носом, поэтому С. Н. Панина обозначила изделие как «человек-сова». Автор упомянула еще о двух находках брусков с продольными желобками с памятников верхневьев Исети – со стоянок Верхняя Макуша и Калмацкий брод.

Появление подобных изделий на энеолитических памятниках края, как и образ хищной птицы, – нечто новое. В мифологической картине мира энеолитического населения из орнитоморфных изображений основными фигурами были водоплавающие птицы, реже – лесные, но не хищ-

ные. Можно предположить, что соединение в одном изделии функции желобка и образа хищной птицы осмысливалось как таинство медеплавильного производства. Заглядывая вперед, в эпоху раннего железного века (I тыс. до н. э.), мы увидим, что образ хищной птицы (совы, филина, орла, коршуна) стал знаком духов предков-металлургов.

Итак, вполне вероятно, что бруски с желобками по длинной оси могли использоваться для отливки медной проволоки. Затем из медных заготовок посредствомковки изготавливали предметы нужной формы. Об этом свидетельствует следующий факт. На памятнике Палатки I найдены три фрагмента кованных медных изделий прямоугольного сечения. Размеры сечений – 0,5 x 0,5 см; 0,4 x 0,6–0,7 см. Все предметы по краям украшены насечками (рис. 2, 1–3).

Абрис одного из изделий (рис. 2, 1) весьма показателен. Он напоминает фигуры изображений духов на энеолитическом сосуде аятской культуры с этого же памятника⁷. Подобные фигуры известны в горно-лесном Зауралье с писаниц этого же времени⁸.

В отличие от маленьких и тонких ножичков, найденных в слое начала III тыс. до н. э., обозначенные выше кованные предметы составляли брак – лом. Возникает вопрос: стали ли бы литейщики выбрасывать лом в 17 г меди при недостатке металла?

На памятнике Палатки I найдены фрагменты трех тиглей, изготовленных из жаростойкого материала. Удалось восстановить внешний облик одного из них (рис. 2, 4). Это овальной формы лепешка размером 9,5 x 8,3 см, в центре которой сделано на 0,5 см углубление размером 6 x 3,9–4,3 см. Углубление окружено валиком высотой 1,2 см. Любопытно, что углубление хорошо вмещает металлический слиток, повторяющий его форму. Вес слитка 92 г. На основе химико-металлургического анализа, проведенного в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, установлено, что слиток состоит из «чистой меди»⁹.

И еще одно совпадение. На стоянке Верхняя Макуша обломки тиглей для из-

⁷ См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верхневьев р. Исети // Наука. Общество. Человек: Вестн. Урал. отд. РАН. Екатеринбург, 2007. № 4. Рис. 10, 1.

⁸ См.: Широков В. Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. Екатеринбург, 2007. Рис. 44, 10.

⁹ См.: Кузьминых С. В. О металле эпохи бронзы поселения Палатки 1–2 // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 108.

готовления слитков сочетались с тальковым брусом с продольным желобком и формочкой для изготовления иглы, обнаруженным в энеолитической постройке с керамикой аятского типа.

Многочисленные остатки литейного производства, в том числе открытые формочки-тигельки для производства слитков, были найдены в таежной зоне на памятниках бассейна реки Конды¹⁰. Рассматривая ситуацию на памятниках лесной полосы Западной Сибири и Зауралья, С. Ф. Кокшаров пришел к выводу, что на этой территории массовое приобщение населения к металлургическому производству началось на рубеже III–II тыс. до н. э. Автор обозначил этот период термином «досейминский».

Технологическая схема – отливка заготовок в открытых формах и последующая ковка изделий – значительно раньше использовалась мастерами Циркумпонтийской металлургической провинции Восточной Европы. На позднем этапе ее функционирования эта схема, по всей вероятности, была заимствована зауральскими и западносибирскими мастерами¹¹. По мнению С. Ф. Кокшарова, химический состав изделий с памятников бассейна реки Конды указывает на уральское происхождение металла.

Приведенные выше факты позволяют высказать две догадки: 1) в конце эпохи энеолита были открыты поверхностные месторождения медной руды в окрестностях верховьев реки Исети; 2) памятники этого региона стали одним из ранних центров металлургического производства в Среднем Зауралье.

В настоящее время сложно определить, где древним населением были найдены месторождения медной руды. Но, судя по тому, что они использовались на протяжении более двух тысячелетий, в эпохи бронзы и железа, залежи руды были богатыми.

Когда во время раскопок на острове Каменные палатки к нам приходят геологи, краеведы, мы задаем им много вопросов. И один из первых: не знают ли они о медно-рудных месторождениях где-нибудь поблизости, которые были бы доступны древнему населению края? Профессор Э. Ф. Ем-

лин указал одно из таких возможных мест – около станции Аять. И действительно, на памятнике Палатки I при раскопках неоднократно встречались кусочки малахита и азурита. Но нет однозначного ответа на вопрос, с какой из древних эпох могли быть связаны эти находки.

Рис. 2. Предметы, связанные с металлургическим производством досейминского периода: 1–3 – фрагменты кованных изделий из меди; 4 – формочка для изготовления слитков и слиток меди в ней. Памятник Палатки I

Сейминско-турбинский феномен

Почти столетие назад, в 1914–1915 гг., В. А. Городцовым и А. М. Тальгренем на основе находок из Сейминского могильника в низовьях реки Оки и Бородинского клада, обнаруженного в Молдавии, были сформулированы основные проблемы будущего феномена: культурная принадлежность, генезис, датировка. С этого времени и до конца 80-х гг. XX в. по южно-таежной полосе от Алтая до Молдавии были обнаружены новые памятники: в Западной Сибири – на поселениях следы металлургического производства и могильники, в Восточной Европе – могильники и клад¹². В них обнаружена серия специфических находок, сопоставимых с предметами из Сейминского могильника и Бородинского клада.

Среди металлических предметов преобладают кельты, в том числе украшенные сложным орнаментом в виде композиций из заштрихованных ромбов и треугольников¹³. Есть наконечники копий, в том числе серебряные¹⁴. Среди ножей

¹⁰ См.: Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 48.

¹¹ См.: Там же. С. 49.

¹² См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. Карты 13, 14.

¹³ См.: Там же. Карта 15.

¹⁴ См.: Там же. Карта 16.

выделяются ножи-кинжалы с металлическими рукоятями, в ряде случаев завершающимися фигурками коней, баранов, головами змеи, лосей¹⁵. Реже встречаются чеканы, булавки, браслеты. Наряду с металлическими изделиями в коллекциях содержатся каменные предметы – наконечники стрел и ножи. Особо следует отметить нефритовые кольца из Турбинского могильника близ Перми и нефритовые топоры-секиры из Бородинского клада. Т. Б. Попова в каталоге «Бородинский клад»¹⁶ отметила, что темно-зеленый нефрит топоров-секир происходит с Саянских гор.

Феномен был обозначен исследователями древней металлургии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых как транскультурный, поскольку распространен на территории множества различных археологических культур. По мнению авторов, суть феномена заключалась в гигантском скачке развития металлургии в Северной Евразии, в появлении оловянистых бронз и совершенно новой технологии тонкостенного литья наконечников копий и кельтов¹⁷. До этого наиболее трудоемкая операция по изготовлению наконечников копий была связана с формовкой втулки. По новой технологии втулка как копий, так и кельтов отливалась посредством глиняных сердечников вместе с изделиями. Время распространения новации – вторая четверть II тыс. до н. э. Импульс металлургического скачка шел с запада, а исходный центр изделий был на востоке, в области Алтая. На основании различия в форме кельтов авторы разделили феномен на два последовательных этапа: сейминско-турбинский и самусьско-кижировский. Изделия первого этапа были характерны для южно-сибирского и восточно-европейского регионов. Более поздние находки с самусьско-кижировским типом кельтов обнаружены на территории таежной зоны Азии.

Модель сейминско-турбинского феномена представляется как стремительное движение (в течение одного-двух столетий) небольших групп металлургов-воинов на конях или в лодках с востока на запад¹⁸. Цель движения не обозначена. В эту модель вписываются и изделия из

урало-азиатских материалов, оказавшиеся с крито-микенскими предметами в Бородинском кладе, и погребения-кено-тафы, т. е. захоронения только вещей металлургов-воинов, погибших, по всей вероятности, в пути во время стычек с аборигенами.

В модели сейминско-турбинского феномена район Среднего Зауралья выглядел как мимолетная веха на пути движения металлургов-воинов на запад. И действительно, на карте одиночных находок на него приходится всего восемь предметов¹⁹.

Находки последних двух десятилетий в таежной полосе Западной Сибири и горно-лесного Зауралья вносят серьезные изменения в понимание проблемы.

Следует отметить, что ряд фактов, говорящих в пользу развития металлургии в сейминский период в верховьях реки Исети, был отмечен еще в начале 50-х гг. XX в. Е. М. Берс при составлении археологической карты Свердловска и его окрестностей использовала хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области «Материалы к археологической карте Урала» Н. А. Рыжникова. Судя по ним, в составе находок с памятника Коптяки 6 (Исетское озеро) наряду с плоскодонными сосудами (они были впоследствии определены как принадлежащие коптяковской культуре) находился нож с изогнутым лезвием сейминского типа²⁰. Тальковая форма для отливки подобного ножа есть в материалах со стоянки Колмацкий брод у железнодорожной площадки Гать²¹. На стоянке Коптяки 2, 3 и 5 вместе с такой же плоскодонной керамикой, что найдена на стоянке Коптяки 6, было обнаружено большое количество обломков тиглей²². Московский археолог М. Ф. Косарев еще в начале 80-х гг. XX в. памятники коптяковского типа Свердловско-Тагильского района отнес к самусьско-сейминскому этапу²³.

В результате тридцатилетних раскопок на памятнике Палатки I был исследован комплекс коптяковской культуры: остатки жилища, детские погребения, следы металлургического производства населения, пришедшего с юга и соединившегося с местным. Продвижение южноураль-

¹⁵ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии. Карта 17.

¹⁶ См.: Попова Т. Б. Бородинский клад. М., б/г.

¹⁷ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии. С. 102–103.

¹⁸ См.: Там же. С. 103–104.

¹⁹ См.: Там же. Карта 13.

²⁰ См.: Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. № 21. С. 108.

²¹ См.: Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. С. 66.

²² См.: Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. С. 107.

²³ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 76–77.

ского скотоводческого населения на север, в озерный край верховьев Исети и Нейвы, могло быть связано не только со стремлением к рудным богатствам, но и с изменением климатической ситуации на рубеже III-II тыс. до н. э.

Есть основания предполагать, что приход индо-иранцев был воспринят местным финно-угорским населением спокойно. Об этом говорит, во-первых, то, что поселения возникали на традиционных местах; во-вторых, использовались уже освоенные

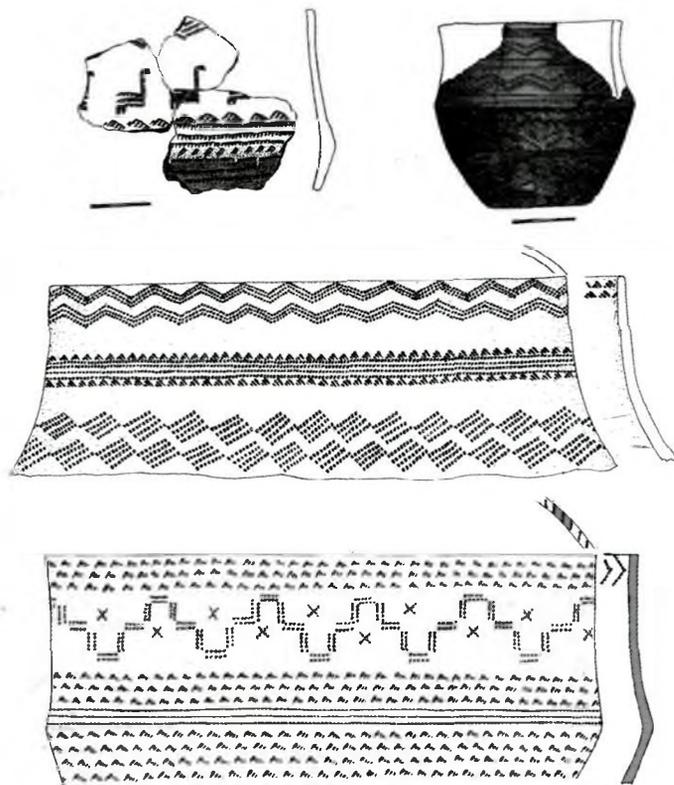

Рис. 3. Керамика коптяковской культуры. Памятник Палатки I

У исследователей есть разные точки зрения по поводу ксеротермического периода и сдвига к северу ландшафтных зон. Н. А. Хотинский полагал, что о теплом ксеротермическом периоде можно говорить лишь условно²⁴. М. Ф. Косарев процесс переселения южноуральского и казахстанского населения из лесостепи в лесные районы объяснял тем, что в связи с потеплением произошел сдвиг лесостепной фауны и флоры к северу²⁵. Материалы с археологических памятников верховьев Исети подтверждают точку зрения М. Ф. Косарева. Фрагменты сосудов коптяковского типа и обломки тиглей были найдены у подножия острова Каменные палатки под слоем торфа, ниже современного уровня грунтовых вод.

И все же основной причиной прихода мигрантов были рудные богатства края, так как горно-лесные уголья того времени не были удобными для скотоводства.

аборигенами породы камня: на памятнике Палатки I в жилище коптяковской культуры и рядом с ним расчищены мастерские по производству орудий из черного плитчатого сланца и халцедона; в-третьих, и это наиболее убедительный факт, в орнаментации сосудов, наряду с появлением новых знаков (меандр, косой крест), сохранились традиционные: пояски горизонтального зигзага, ромбы, череда плывущих птиц (рис. 3, 1).

Это был процесс взаимоассимиляции, потому что произошли значительные изменения в жизни местного населения, связанные с приходом мигрантов. Конструкция коптяковского жилища с памятника Палатки I размером 8 x 5,6 кв. м была каркасно-столбовой, как и в эпоху камня, но существенно изменился интерьер. Почти в центре постройки сохранились остатки глинобитной печи прямоугольной формы. Северо-восточный угол занимали глиняные

²⁴ См.: Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977. С. 196.

²⁵ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 20.

нары, укрепленные с двух сторон каменной кладкой. Первоначально сложилось впечатление, что нары – это останец, специально сохраненный при углублении пола в материковый слой глины. Но после снятия глиняной подушки до уровня пола под

Рис. 4. Предметы самусьско-кижировского типа, связанные с металлургией: 1 – нож-кинжал во фрагменте тальковой формочки для изготовления подобного ножа; 2 – тигель; 3 – чекан; 4 – булавка. Памятник Палатки I

²⁶ См.: Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. Рис. 7, 2, 3.

²⁷ См.: Там же. Рис. 3, 4, 4а.

²⁸ См.: Там же. Рис. 6, 5.
²⁹ См.: Виноградов Н. Б. Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века на Южном Урале // Исторические науки: Вестн. Челябинск. гос. пед. ин-та. Челябинск, 1995. № 1. С. 18.

³⁰ См.: Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки. Рис. 4, 11–13, 10.

³¹ См.: Там же. Рис. 4, 7.
³² См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Рис. 33, 4.

ней были обнаружены маленькие сосудики²⁶. Возможно, это были остатки жертвенного подношения духам для благополучия спящих. Впервые были найдены остатки воздуходува, идущего от печки под лежанкой для ее обогрева.

Северо-западный угол жилища, по всей вероятности, имел культовое назначение. Имея вид ниши размером 2 x 1,2 м, он был отгорожен от остальной части жилища ступенчатой стенкой высотой 15–32 см. У основания ниши расчищены следы костровища в виде прокаленной почвы, западнее его – остатки погребения²⁷. Обожженные кости мальчика 6–8 лет были уложены кучкой вместе с угольками в неглубокую яму (8–10 см) размером 0,42 x 0,3 м. Среди костей никаких находок не было, но в засыпке поздней ямы, расположенной рядом с погребением, найдены фрагменты небольшого сосудика²⁸ и обломок бронзовой подвески.

В пределах ниши, севернее края поздней ямы, расчищен раздавленный сосуд с изображением плывущих птиц.

Детские погребения в полу жилищ – своеобразная черта памятников петровской культуры Южного Урала. Н. Б. Виноградов полагает, что это были ритуальные захоронения²⁹.

Помимо появления новых специфических черт интерьера жилища, привнесенных мигрантами, новацией стал и обряд захоронений в земле. Севернее и южнее жилища захоронены трое детей. Могила неглубокая и небольшая по размерам: 1,3 x 0,5; 0,7 x 0,4; 0,5 x 0,34 м. В одной из них сохранились зубы, по которым антрополог Д. И. Ражев определил, что это остатки погребения мальчика 6–8 лет. В двух ямах находились сосуды (рис. 3, 2), изделия и отщепы из черного плитчатого сланца, халцедона и половинка оселка³⁰. В углистом слое самой маленькой ямы лежали бронзовые подвески³¹.

К следам металлургического производства населения коптяковской культуры относятся три группы находок. К первой группе принадлежат обломки тиглей, обнаруженные как на памятнике Палатки I, так и в шурфе противоположной стороны острова под торфяниковым слоем. Два экземпляра тиглей удалось восстановить. Это изделия ладьевидной формы с плоским дном и высотой стенок 2,2 см (рис. 4, 2). Емкость в два с лишним раза превосходит по объему формочки-тигли досейминского времени, о которых речь шла выше. Значит, и металла в них отливалось в два раза больше. Из литейных форм к этому периоду достоверно относится фрагмент тальковой створки с матрицей для изготовления ножа-кинжала (рис. 4, 1). Под вопросом остается принадлежность к этому же времени двух тальковых формочек для отливки клина (топора?) с орнаментом в виде изображений трех солнышек (рис. 5). Аналоги этим изделиям среди археологических древностей Северной Евразии пока неизвестны. Солярные знаки есть на кельте из Ростовкинского могильника близ Омска³², материалы которого соотносятся с самусьско-кижировскими бронзами. Но, может быть, эти

предметы принадлежат более раннему, досейминскому периоду, потому что и по форме, и по размерам изделие, отлитое в такой форме, напоминает шлифованную стамеску или небольшой топорик из туфа эпохи камня. Известно, что самые первые изделия из меди по форме были копиями каменных.

Ко второй группе находок принадлежат изделия из двух кенотафов. От первого погребения сохранилась кладка полукруглой формы из небольших гранитных плиток. Она очерчивает фрагмент погребения размером 1 x 0,5 м. В его центральной части рядом с углистым пятном лежали бронзовый чекан (рис. 4, 3) и каменный наконечник стрелы, южнее – бронзовая булавка (рис. 4, 4). Второй каменный наконечник стрелы обнаружен под камнем кладки³³.

Второе погребение на первый взгляд содержало останки умершего. Яма размером 2,3 x 0,6 м имеет прямоугольную форму в южной части, переходит в полуовальную в северной и углублена в грунт на 0,28 м³⁴. На дне ямы в ее северной части возле пятна темно-коричневого цвета, принятого за остатки черепа, расчищены две бронзовые подвески³⁵. В южной, более углубленной части ямы параллельно ее длинной оси зафиксированы узкие полоски, первоначально принятые за остатки истлевших конечностей. Проверка почвы у дна погребения на содержание фосфора (Г. И. Махонина) показала отсутствие в яме костных остатков. Таким образом, погребение было кенотафом, а умершего, по всей вероятности, замещал муляж.

К третьей группе находок самусьско-кижировского облика принадлежат изделия из разрушенных погребений. Помимо обломка бронзового кельта (публикация Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых³⁶) найдены нож-кинжал (рис. 4, 1) и нижняя часть рукояти другого ножа-кинжала. Все три предмета орнаментированы заштрихованными ромбами и треугольниками. Подобные элементы узора традиционны для зауральских сосудов начиная с эпохи неолита.

Связывая три группы находок воедино, можно прийти к выводу, что остров

Каменные палатки был местом производства металлических изделий самусьско-кижировского типа. Мастера входили в состав населения коптяковской культуры, время бытования которой по результатам радиоуглеродных анализов оп-

Рис. 5. Тальковые формочки для отливки клина. Памятник Палатки I

ределяется в пределах первой половины II тыс. до н. э. (4020±100 лет Ле-5663; 3645±50 лет СОАН-5785).

Следует сказать еще о двух примечательных фактах. Первый из них озвучен Ю. Б. Сериковым на XVII Уральском археологическом совещании, проходившем в 2007 г.: на памятнике Шайтанское озеро 2 обнаружено свыше 60 бронзовых изделий, залегавших совместно с керамикой коптяковского типа и каменными наконечниками стрел. Второй факт – наличие явных связей населения бассейна реки Конды с мастерами горно-лесного Зауралья: на кондинских поселениях эпохи бронзы найдена керамика, содержащая тальк в тесте (признак горно-зауральских сосудов начиная с неолитического времени)³⁷, и талькхлоритовая створка для отливки кельта³⁸.

Новые горно-зауральские и западносибирские материалы свидетельствуют о значительном месте зауральской металлургии в период средней бронзы и существенно меняют модель сейминско-турбинского феномена.

Возможно, в этот же период устанавливаются тесные связи населения бассейна реки Исети с лесостепными соседями алакульской культуры. Следы этих контактов просматриваются в появлении на па-

³³ См.: Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки. Рис. 5, 6, 8.

³⁴ См.: Там же. Рис. 2, 3.

³⁵ См.: Там же. Рис. 5, 9, 10.

³⁶ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии. Рис. 49, 10.

³⁷ См.: Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла. С. 49.

³⁸ См.: Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 98.

мятнике Палатки I керамики, связанной, видимо, с поселением, и бронзовых изделий с разрушенного могильника. По форме и орнаментации сосуда сопоставимы с материалами тобольско-миасского междуречья. Вместе с тем на сосудах с ала-

складывал камни один к другому. Камни были примерно одинакового размера – 30 x 20 x 20 см и имели форму параллелограмма. В результате образовалась небольшая ровная стенка. Тогда стало понятно, что это не случайно разбитые кам-

Рис. 6. Фрагменты каменоломни на памятнике Палатки I: а – следы пропила на каменоломне эпохи бронзы; б – следы работы на каменоломне

кульской профилировкой (переход от шейки к тулову через уступчик) в элементах орнамента есть черты, сближающие керамику с коптяковской. Крючки (рис. 8, 2, 3) из поселенческого комплекса и находки из погребений: нож, желобчатые браслеты³⁹, гривны, подвески листовидной формы⁴⁰, обоймочки – типичны для лесостепного населения алакульской культуры⁴¹. Но, как определил С. В. Кузьминых, рудный источник меди, из которой изготовлены украшения и предметы с памятника Палатки I, был иным, нежели у лесостепного населения алакульской культуры⁴². Источник определен очень широко – как волго-уральский.

Древняя каменоломня и менгиры

Древняя каменоломня на северо-западной площадке острова Каменные палатки была открыта случайно. Просто до этого никто таких каменоломен не открывал, и археологи не знали, как они выглядят.

В первые годы раскопа на планах памятника Палатки I фиксировались, на первый взгляд, хаотические нагромождения камней в центре площадки. На третьем году раскопок очень аккуратный студент, разбирая завал камней погребения,

а намеренно изготовленные блоки. Раскопанную прежде и законсервированную часть площадки памятника пришлось изучить под новым углом зрения. В результате последующих полевых сезонов удалось выяснить, что камень извлекали в трех основных местах. В центральной части площадки следы каменоломни занимают территорию 26 x 4–8 м, на восточном склоне 16 x 4–8 м, в юго-западных отрогах выхода скал 6 x 4 м.

В северо-западной части острова направление трещин и водостоков – СЗ-ЮВ и ВСВ-ЗЮЗ. Они очерчивают и расчленяют большие матрацевидные плиты толщиной 20–30 см в форме параллелограммов. Трассолог Н. А. Алексашенко, изучая остатки каменоломни, обнаружила многочисленные следы работы на ней. На больших плитах сохранилась разметка в виде тонких линий, идущих параллельно естественным трещинам и водостокам. В ряде мест видны следы пропилов глубиной 0,5–0,7 см (рис. 6, а). Есть не снятые блоки (рис. 6, б) и треугольные следы их снятия. Сохранились также неубранные узкие, параллельно отчлененные друг от друга плиты длиной до 0,5–0,6 м. Блоки изготавливались различ-

³⁹ См.: Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки. Рис. 4, 3, 6.

⁴⁰ См.: Там же. Рис. 4, 2.

⁴¹ См.: Потёмкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. М., 1985. Рис. 80, 1, 2, 11; Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Андроновские древности Тюменского Притобоя. Екатеринбург, 2000. Рис. 15, 11, 12.

⁴² Кузьминых С. В. О металле эпохи бронзы поселения Палатки 1–2. С. 109.

ных размеров. Малые блоки имели размер 15 x 7 x 4 см, средние, как уже упомянуто выше, 30 x 20 x 20–25 см. Большие блоки достигали высоты 60–90 см.

Для работы использовали каменные топоры из туфа. Ими углубляли разметку. На поверхности некоторых плит каменоломни найдены лунки для правки рабочего края этих орудий. После углубления разметок применяли каменные пилы из амфиболового гнейса, серицитполевошпатового сланца, зеленокаменного туффита. На памятнике найдено более десятка таких пил. Это плоские пластины размером от 15 x 6 до 12 x 5 см с различным рабочим краем – от острого до округлого, толщиной 0,5 см (рис. 7). В качестве дополнительного абразива при работе добавляли песок. Возможно, этот этап работы приходился на летний период. Осенью в пропилены вставляли деревянные клинья, и в течение зимы работали вода и мороз. Весной, когда щели углублялись до нижележащего матраца, снимали готовые блоки и плиты.

Наличие древней каменоломни на острове Каменные палатки долгое время было предметом спора. Среди геологов существовали разные мнения. Одни признавали искусственный характер блоков, другие возражали: «полна чудес могучая природа». Для археологов это была первая обнаруженная на Урале древняя каменоломня, а такого рода открытия, как правило, воспринимаются неоднозначно.

Скептики предлагают ответить на два главных вопроса: 1) для чего были нужны блоки разных размеров и плиты? 2) если это действительно древняя каменоломня, то к какому конкретно времени она относится и с какой археологической культурой может быть связана?

Ответы появлялись по мере дальнейших раскопок на памятнике. Крупные блоки устанавливали по границе каменоломни. В ее северной и юго-восточной частях сохранились три стоящих камня. Северный блок был полностью закрыт под завалом камней. Он обозначился после снятия мелких камней и сдвига крупных валунов. Высота камня составляет 60 см, ширина одних параллельных плоскостей 40 см, других 20 см. Вид камня-

блока сверху – параллелограмм. Для придания камню вертикального положения под него было положено два камня. Южный блок стоял, слегка наклонившись. Он был открыт дождем и ветрам и сильно обветрен. Его размер 90 x 44 x 28 см.

Оба блока стояли на самых высоких точках относительно каменоломни и узкими гранями были ориентированы в направлении запад–восток. Третий камень размером 50 x 43 x 18 см находился внутри юго-восточной части каменоломни и, возможно, был подготовлен к установке.

Можно ли эти стоячие камни назвать менгирами? Этот термин вызывает представление о мегалитических камнях выше человеческого роста, известных в Западной Европе. Там древние стоячие камни имели ритуальное назначение и ряд из них связан с археоастрономией⁴³.

Стоячие камни на острове Каменные палатки не мегалиты, но это все же менгиры. По всей вероятности, их функция на границе каменоломни была охранительной. Возле каждого из первых двух менгиров совершались какие-то ритуалы, от которых сохранились углистые пятна и провал. Радиоуглеродный анализ угля дал две даты: для первого менгира 3090–50 лет (СОАН-5782), для второго 3500±30 лет (СОАН-5783). Они свидетельствуют об использовании каменоломни в пределах второй половины II тыс. до н. э.

Блоки средних размеров применялись в двух случаях. В первом – ими было перекрыто погребение позднего периода эпохи бронзы (то самое, которое разобрал аккуратный студент). Вполне вероятно, что сооружение из блоков над погребением имело какую-то форму, но было разрушено при изготовлении горна в раннем железном веке.

Во втором случае из блоков, поставленных один на другой в два ряда, было сооружено полукруглое окаймление сакральной площадки. В расчистке этой кладки принимала участие студентка архитектурного института. Она пришла в восторг, увидев плотную стенку кладки из блоков. Какими умными были древние люди! У них не было нашего стандартного прямоугольного мышления. Для сооружений из блоков в форме параллелограм-

⁴³ См.: Вуд Дж. Солнце, луна и древние камни. М., 1981. Рис. XII, XIII, XVIII.

мов и ромбов не требовалось скрепляющего раствора, при их укладке образуется естественная плотная стенка. Более того, из таких блоков можно выложить кладку различной формы: прямой, круглой, овальной, зигзагообразной.

Рис. 7. Каменные пилы для работы на каменоломне. Памятник Палатки I

Блоки небольшого размера в два ряда в форме полукруга окаймляли кенотаф, речь о котором шла выше.

Пластины из мелкозернистого гранита использовались для изготовления шлифовальных плит и зернотерок. Узкие пластины толщиной 7–8 см расчленили вдоль для изготовления терочников и пестов. Такие заготовки размерами 54 x 7 x 7 и 46 x 7 x 7 см были обнаружены при раскопках полевого сезона 2007 г.

Таким образом, все виды блоков и пластин из карьера каменоломни имели свое назначение.

Время работы на каменоломне было определено – вторая половина II тыс. до н. э. Но есть факты, позволяющие говорить о более раннем времени. Во-первых, малые блоки употреблялись для кенотафа первой половины II тыс. до н. э. Во-вторых, среди находок в щелях карьера, как правило, были предметы из камня и керамика неолитической и энеолитической эпох. Очень

редко и только в верхних слоях щелей присутствовала керамика коптыковского типа. Видимо, вторая половина II тыс. до н. э. – это последний этап функционирования каменоломни. В раннем железном веке в ее пределах уже размещались печи и горны.

Во второй половине II тыс. до н. э. в степной полосе Южного Урала тоже появились менгиры. Они имеют более крупные размеры (свыше 1 м) и не содержат следов обработки. Эти менгиры также фиксировали границу, но только иную – между поселенческими комплексами и степью, и они также помещались выше охраняемой территории⁴⁴. Возможно, менгиры-сторожа, как и сейминско-турбинский феномен, – транскультурное явление. В степях Зауралья они охраняли срубно-алакульские поселения, а на острове Каменные палатки – каменоломню населения черкаскульской культуры, а затем – сменившей ее березовской культуры.

Племена черкаскульской культуры занимали территорию от лесной полосы Среднего Зауралья до лесостепных районов нижнего течения реки Белой. На острове Каменные палатки не обнаружено следов поселения этой культуры, есть только остатки производственной и обрядовой деятельности. О занятии металлургией свидетельствуют две находки. Первая – два обломка тальковой формочки с матрицами для отливки трех предметов: ножа, желобчатого долота и шила (рис. 8, 1, а–в). Доказательством принадлежности предмета к черкаскульской культуре является находка таких же полифункциональных литейных формочек в жилище с керамикой черкаскульского типа на поселении Липовая Курья в верховьях реки Миасс⁴⁵. Вторая находка – бракованный бронзовый наконечник стрелы (рис. 8, 4).

Помимо следов обрядов, производимых у менгиров, остатки ритуальных действий черкаскульского времени обнаружены еще в двух местах. Около выкладки блоков в виде полукруглой стенки в остатках кострища найдены фрагменты сосудов черкаскульского типа. На самой высокой части западной гряды острова (памятник Вершина I) в прямоугольной нише размером 1 x 1,5 и высотой 0,9 м в слое прокаленного песка лежали фрагмен-

⁴⁴ См.: Петров Ф. П. Мегалитические памятники степного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 211.

⁴⁵ См.: Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976. Рис. 15, 1, 2.

ты богато орнаментированного сосуда черкаскульского облика (рис. 9, 1), кальцинированные косточки и сломанный кремневый наконечник стрелы. Фрагменты того же сосуда оказались в расселинах в радиусе 4–4,5 м к югу и юго-западу. Вместе с ними найдены два кресальных кремня для добывания огня⁴⁶.

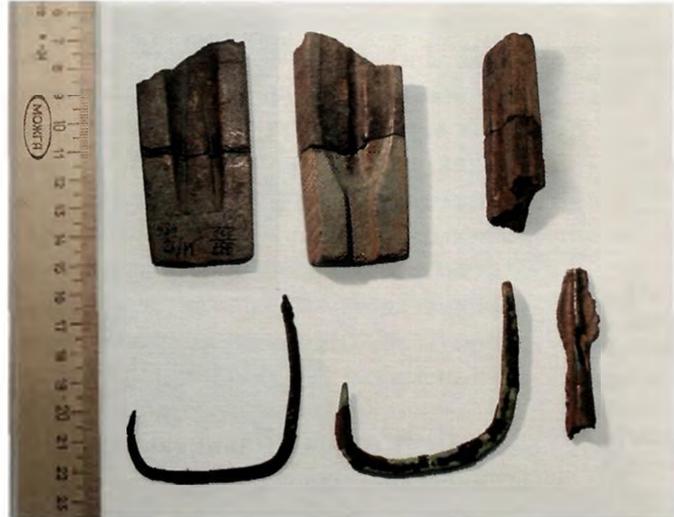
Поселение черкаскульской культуры было раскопано Е. М. Берс в конце 50-х гг. XX в. Стоянка Новая III расположена на левом берегу реки Исети неподалеку от железнодорожного моста площадки Гать. По всей вероятности, постройки были наземными, и следы от них сохранились в виде открытых очагов, рядом с которыми найдены фрагменты впоследствии восстановленного сосуда (рис. 9, 2), песты и зернотерки.

Керамика черкаскульского типа имеет ряд общих черт с коптяковской: употребление гребенчатого штампа, элементы орнамента в виде заштрихованных треугольников и ромбов, но в большей степени ее корни просматриваются в энеолитической керамике аятского типа. Это орнамент из заштрихованных полос, ромбическая сетка, имитация рогов. Своеобразными чертами черкаскульской посуды являются плавная профилировка горшков, использование в орнаментальных композициях широких желобков и перенос основного меандроидного узора на тулово. Большая часть исследователей полагает, что черкаскульская культура сформировалась в лесной полосе Зауралья и принадлежит к угорской языковой группе⁴⁷.

С черкаскульской культурой генетически связана следующая по времени заселения территории лесного и частично лесостепного Зауралья березовская культура, выделенная К. В. Сальниковым⁴⁸. Поселения на памятниках этой культуры Коптяки 1 и 2 занимали более высокую часть берега Исетского озера, нежели объекты коптяковской культуры (к сожалению, полевая документация раскопок конца XIX в. на этих памятниках отсутствует). На острове Каменные палатки с этим населением связан последний этап разработки каменоломни, две ямы хозяйственного назначения, захоронение в юго-восточном конце центральной каменолом-

ни, остатки ритуальных действий у алтарного камня памятника Вершина I.

Захоронение было совершено в яме размером 2,3 x 0,9 м, углубленной в гранитный материк на 58 см. Костяк не сохранился, но в северо-восточной части

ямы на узком карнизе лежали бронзовые нож и шило (рис. 10, 5, 6). Как уже отмечалось выше, яма была завалена блоками средней величины.

Находка фрагментов сосуда березовского типа у алтарного камня помогла раскрыть одну из загадок мифологических представлений древнего населения Зауралья. Дело в том, что на всех святилищах, расположенных за пределами поселений, и во все эпохи, начиная с энеолита и до позднего железного века включительно, не найдено ни одного целого сосуда, только отдельные фрагменты. У археологов без ответа оставались вопросы: куда девали остальные части сосудов? Какой смысл в таком ритуале?

Ответ на первый вопрос прост: вторую половинку сосуда оставляли на поселении. Часть сосуда березовского типа, обнаруженная у алтарного камня памятника Вершина I, соединилась с фрагментами, найденными на памятнике Палатки I (рис. 9, 4). Ответ на второй вопрос мы находим в одном из мансийских мифов. Когда один из сыновей Верхнего духа Нум-Торума пошел пробовать свою силу в борьбе, мать дала ему обломок миски: «Если твои руки, твои ноги попадут в беду, этот обломок миски раз-

Рис. 8. Предметы, связанные с металлургией периода поздней бронзы: 1 – три проекции фрагмента тальковой формочки; 2, 3 – крючки; 4 – наконечник стрелы. Памятник Палатки I

⁴⁶ См.: Викторова В. Д. Чаши на скалах горно-лесного Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: К 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган, 2007. Рис. 5, 4.

⁴⁷ См.: Шорин А. Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры // Российская археология. 1994. № 4.

⁴⁸ См.: Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 362.

⁴⁹ См.: Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 293–295.

ломи пополам». По дороге сын Нум-Торума достал из Нижнего мира солнце и луну, сотворил несколько зверей. Когда пришло время бороться, он разломил обломок миски, и появилась кольчуга⁴⁹.

Специально изготовленные сосуды, по

лишь косвенные доказательства: наличие костей домашних животных на приуральских лесостепных памятниках черкаскульской культуры и форма для отливки косарей – ножей для рубки ветвей на прокорм скоту с памятника березовской

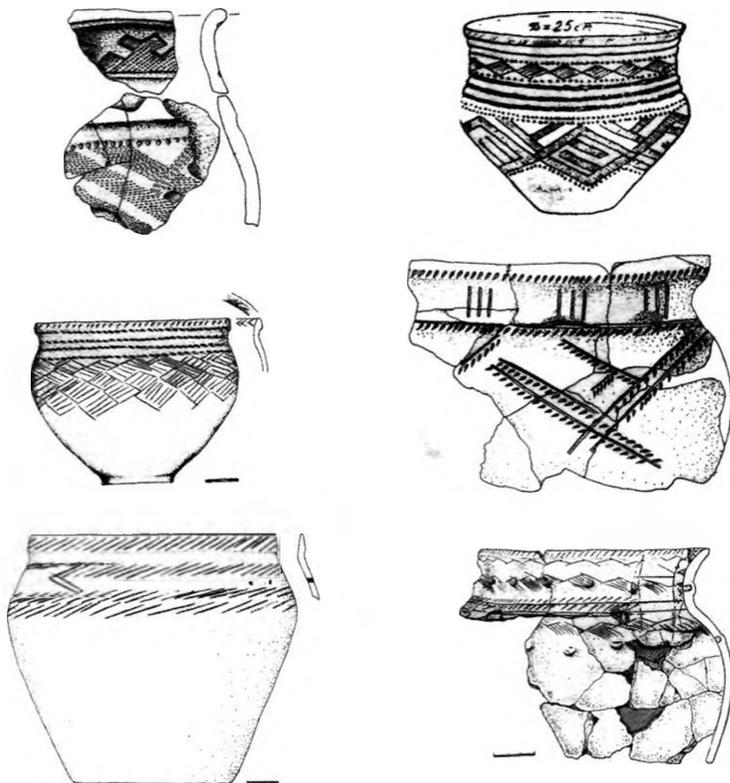

Рис. 9. Керамика периода поздней бронзы: 1 – фрагменты сосуда со святилища Вершина I; 2 – сосуд с поселения Новая III (по Е. М. Берс); 3 – фрагменты сосуда с поселения Палатки I и святилища Вершина I; 4 – сосуд из ямы памятника Палатки I; 5 – сосуд со святилищного комплекса Перегон III; 6 – фрагмент сосуда с поселения Палатки II (по С. Н. Паниной)

всей вероятности, имели особую сакральную силу. Часть такого сосуда, принесенного на святилище, могла способствовать усилению магии обряда.

Генетическая связь березовской и черкаскульской культур прослеживается прежде всего по керамическим комплексам. Посуда березовского типа имеет ту же форму, что и черкаскульская, только орнамент ее беднее, схематизирован и наносился прочерченными резными линиями, насечками и шнуровыми оттисками (рис. 9, 4). Обряды проводились на тех же местах, что и в черкаскульское время.

К сожалению, на памятниках верхьев реки Исети не сохраняются древние сырые кости и поэтому нет подтверждения того, что с начала II тыс. до н. э. в регионе появилось производящее хозяйство – придомное скотоводство. Есть

культуры – поселения Березовского в среднем течении реки Исети⁵⁰. По углю, взятому из ямы, установлена дата пребывания этого населения на острове: 3120 ± 85 лет (СОАН-5784), т. е. последняя четверть II тыс. до н. э.

Миграции с востока и севера

Время двух миграционных потоков, проходивших через верховья реки Исети, обозначается как финальная бронза (рубеж I–II – I тыс. до н. э.).

О кратковременном пребывании в крае населения бархатовской культуры на пути его следования из лесостепи Притоболья в Прикамье свидетельствуют объекты двух раскопанных памятников. На площадке юго-западной части острова Каменные палатки (памятник Палатки II) С. Н. Паниной исследованы два жилища и хозяйственная постройка, разрушенные

⁵⁰ См.: Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. Рис. 58, 6.

⁵¹ См.: Панина С. Н. Поселение бархатовской культуры финальной бронзы в горно-лесном Зауралье (по материалам раскопок памятника Палатки II) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международ. научн. конф., 6–10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 47–48.

пожаром⁵¹. То, что было бедой для древних жителей, оборачивается положительными результатами для археолога: сохраняются углистые следы конструкций, многие предметы остаются под рухнувшими крышами. Так было и на этом памятнике.

Жилища размерами 5,8 x 4,8 и 5,8 x 6,4 м имели в плане четырехугольную форму и были слабо углублены в грунт. У более крупного жилища расчищены очертания коридорообразного выхода, обращенного в сторону берега, полого спускающегося к водоему. В этой же постройке сохранился обмазанный глиной центральный очаг прямоугольной формы. Рядом с очагом расчищены раздавленные сосуды бархатовского типа. Центральный очаг другого жилища был разрушен поздними ямами. К сгоревшему жердевому настилу (нары?) примыкал очаг, обложенный камнями. По мнению автора статьи, он мог служить для обогрева. В этом жилище также были раздавленные сосуды, слегка вкопанные в землю. Такой прием их постановки, видимо, был обусловлен небольшим размером плоского дна.

Сосуды по форме близки к керамике березовского типа, узоры также наносились резными линиями или насечками. Однако две специфические черты позволяют установить происхождение их носителей из лесостепного Притоболья. Во-первых, для орнамента большей части сосудов характерны ряды ямочек, составляющих жемчужину с противоположной стороны (рис. 9, 6). Во-вторых, на ряде сосудов горизонтальные пояски орнамента разрываются вертикальными столбиками или знаком Z (рис. 9, 5).

Под обломками жилища найден и ритуальный предмет – глиняная женская фигурка (рис. 10, 3). Вторая такая же фигурка, но меньшего размера и разломанная (рис. 10, 1), обнаружена за пределами жилища. Вероятно, фигурки изначально не были безголовыми, голова и одежда из ткани не сохранились.

Есть предположение, что эти фигурки являются результатом развития длительной традиции населения Зауралья и Притоболья, начиная с эпохи энеолита. Ритуал был связан с фиксацией природных

циклов. Когда весной оживала природа, изготавливались фигурки, олицетворяющие Мать-землю. Осенью, когда опадали листья и природа замирала, фигурки уничтожали, отламывая в первую очередь голову⁵².

Еще одну очень интересную находку составило грузило, изготовленное из туф-фита. Предмет орнаментирован по обеим плоским сторонам (рис. 10, 4). С. Н. Панина полагает, что орнамент на камне может быть связан с промысловым календарем. Возможна и другая версия. В. Н. Чернецов, этнограф и археолог, отмечал у обских угров следующую особенность грузил для рыбной ловли сетью в текущей воде: каждый раз, когда использование калданного камня (грузила) приносило большой улов рыбы, на камень наносились определенные знаки.

На памятнике Палатки II найдено только одно металлическое изделие, соотносимое с бархатовской культурой, – бронзовая бляшка (рис. 10, 2).

Культовый комплекс с сосудом бархатовского типа обнаружен на памятнике Перегон III, расположенном на мысу, выступающем в пойму реки Решетки. Это площадка размером 4 x 5 м, углубленная в материк и окаймленная канавкой подковообразной формы⁵³. Прокаленная почва внутри сооружения достигала 40 см. Прокал перекрыт пятном охры размером 2 x 1,5 м. Возможно, с огненным ритуалом были связаны столбы, ямки от которых расчищены: одна в канавке, две – перед входом в сооружение. Целый сосуд бархатовского типа стоял в западной части канавки (рис. 10, 5).

Население бархатовской культуры, как и отдельные группы аборигенов березовской культуры, перешло в Прикамье, где были более благоприятные условия для развития скотоводства и земледелия. Там носители этих двух культур составили один из компонентов формирования ананьинской культурной общности раннего железного века. Возможно, еще одной причиной ухода населения из региона был приход больших групп охотников с Северного Зауралья.

Есть основания утверждать, что население этой гамаюнской культуры принад-

⁵² См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. Рис. 5, 1, 2.

⁵³ См.: Волков Р. Б., Святлов В. Н., Старков А. В. Поселение Перегон III // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. Рис. 2.

лежало к чуждой этнокультурной среде и было довольно агрессивно настроено в своем стремлении захватить новые земли. Вероятно, сопротивлением местного населения можно объяснить появление в крае совершенно нового принципа пост-

проход на холм. Сооружение размером 32 x 16–19 м состояло из вала прямоугольных очертаний, ширина оборонительной стены составляла от 2,5 до 6 м. Вал состоял из глины с включением щебня, с внешней стороны был обложен камнем.

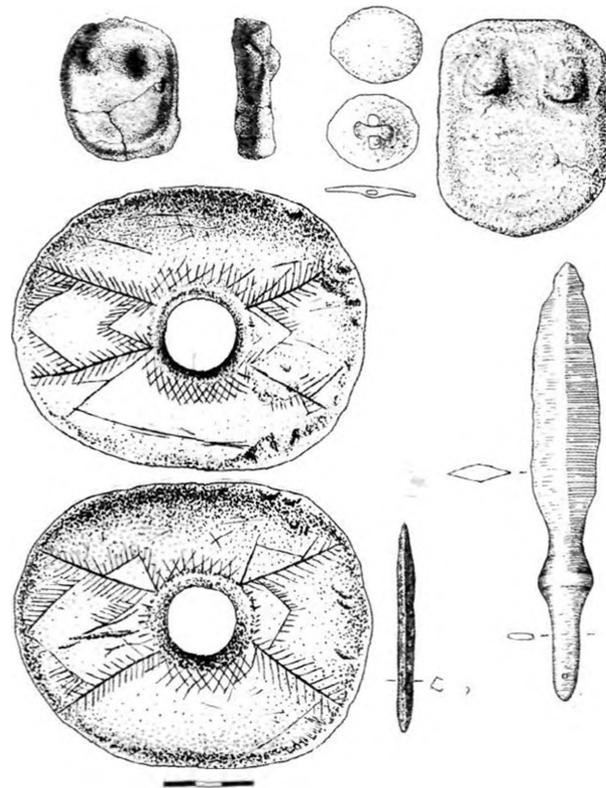

Рис. 10. Изделия периода поздней бронзы:
1, 3 – глиняные фигурки;
2 – бронзовая бляшка;
4 – грузило;
5 – шило;
6 – нож (1–4 – памятник Палатки II (по С. Н. Паниной); 5, 6 – из погребения памятника Палатки I)

роек в виде жилищ с укрепленными стенами и устройство городищ.

Остатки одного из укрепленных домов находились на мысу, образованном дугой Исети у подножия горы Малой. В 80-е гг. XIX в. член УОЛЕ М. В. Малахов изначально принял памятник за курган, и лишь в результате раскопок он был определен как Палкинское городище. Общая площадь памятника составляла 15 x 8,5 м. Жилище было окружено глинобитным валом в форме прямоугольника, высота вала от 1,5 до 2 м. Внутри сооружения найдены керамика гамаюнского типа и изделия из камня: наконечник копья, обломок ножа, терочник и молот⁵⁴.

Второй памятник – многослойное городище – обнаружен на берегу озера Мелкого, на холме высотой до 5 м. От коренного берега оно было отделено рвом шириной 2,5–6 м, глубиной до 1,5 м. В средней части рва находилась перемычка –

Раскопками⁵⁵ исследована землянка, примыкающая к оборонительной стене. Котлован размером 3,6 x 4,8 м был вкопан на глубину 0,8 м. Его стенки были укреплены жердями, от которых сохранились углистые следы. На дне жилища лежали фрагменты керамики и изделия из камня: наконечники стрел, скребки, скобели, пила, керамические подвески. Пришлое население занималось охотой – найдены кости косули и лося. Даже на более позднем Палкинском поселении на горе Маленькой найдены лишь формочки, изготовленные из стенок сосудов с матрицей для отливки небольших украшений (рис. 11, 3). Население только начало осваивать металлургическое производство.

Е. М. Берс определила форму гамаюнских сосудов как реповидную. У сосудов большая горловина, короткая шейка, переходящая в раздутое тулово, округлое или слегка приостренное дно. Для орна-

⁵⁴ См.: Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. С. 216.

⁵⁵ См.: Борзунов В. А. Мелкое озеро // Екатеринбург: Энцикл. Екатеринбург, 2002. С. 350.

ментации использовались штампы двух видов. Глиняными орнаментирами (рис. 11, 6) прокатывали 2/3 поверхности сосуда, и получался нарядный орнамент в виде многорядовой волны (рис. 11, 8). Другой штамп оставлял отпечатки косых

Население гамаюнской культуры заняло территорию горно-лесной полосы Среднего Зауралья и продвинулось в озерный край Южного Зауралья.

В эпоху бронзы на территории верховьев Исети проживало население с раз-

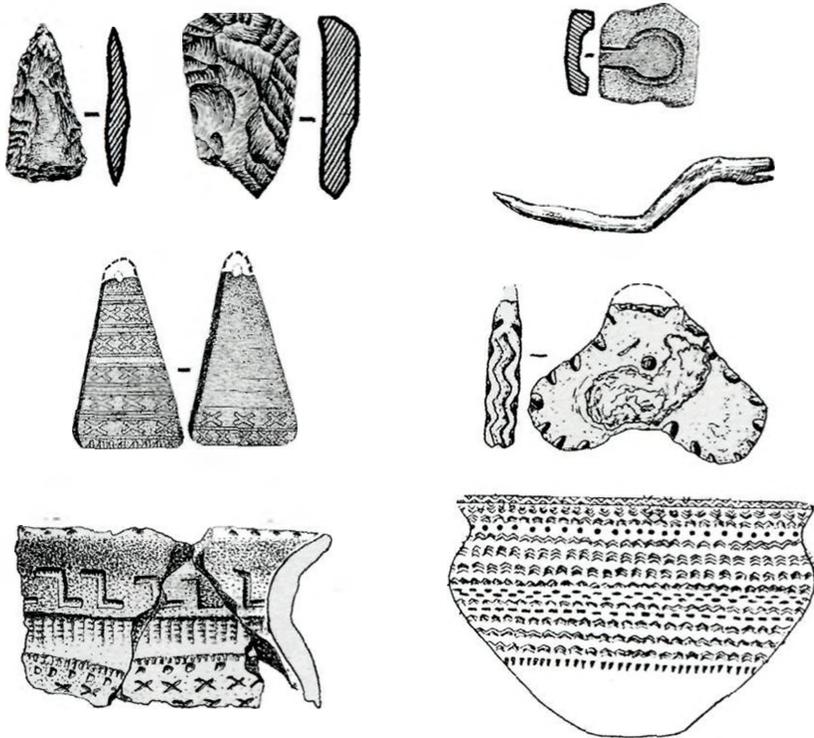

Рис. 11. Керамика и изделия гамаюнской культуры:
 1 – наконечник стрелы;
 2 – скребок;
 3 – формочка для отливки украшения;
 4 – изображение змеи;
 5 – подвеска;
 6 – орнаментир;
 7 – фрагмент керамики;
 8 – сосуд (1–3, 5 – поселение Палкинское на горе Маленькой; 4, 6, 8 – святилище мыса Елового; 7 – памятник Палатки I)

крестиков (рис. 11, 7). Таким образом, никаких связей с местными традициями в керамике нет.

Третий памятник гамаюнской культуры – святилище – исследован Е. М. Берс⁵⁶ в торфяниковой толще мыса Елового, у основания одной из скал. Во времена проведения ритуалов постройка, по-видимому, стояла на берегу озера Мелкого. В слое торфа в пределах остатков постройки обнаружены керамика гамаюнского типа, наконечники стрел, скребки (в том числе из хрусталя), деревянные изделия, изготовленные из корней. На некоторых фрагментах корней Е. М. Берс увидела намеренную подправку глаз и подструганные конечности животных и сочла, что это были изображения лесных духов. Опубликованная автором фигурка действительно напоминает змею с раскрытой пастью (рис. 11, 4).

личными культурными традициями. В основном это были финно-угроязычные общины, которые контактировали с южным ираноязычным населением. Отдельные группы этого населения время от времени вливались в состав аборигенов. Для первой половины II тыс. до н. э. характерен взлет металлургического производства в крае, затем в результате прихода мигрантов с севера традиция резко нарушилась. Новый мощный пик развития металлургии меди приходится на ранний железный век.

Для представления о жизни древнего населения в крае в эпоху бронзы в составе музея под открытым небом можно реконструировать четыре объекта: жилище коптяковской культуры, погребение-кенотаф с муляжом, фрагмент каменоломни с менгиром и поселок бархатовской культуры.

⁵⁶ См.: Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. С. 80–83.